

172). «Религиозным учением, выступающим под флагом атеизма» называл коммунистическую идею (декабрь 1924 г.) митр. Сергей (Страгородский) (РО ГМИР. ф.4. Оп.2. Д.36. Л.1–23). Нонконформистски настроенные идеологи из Истинно-православной Церкви впоследствии также неоднократно подчеркивали, что «не уживается и не может ужиться христианство только с другой религией или ее имитацией, как бы таковая ни называлась». (Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ по СПб. и ЛО. Фонд уголовных дел (ФУД). Д. П-78806: В 4 т. Т.3. Л.132, 137об.)).

О.В. Натолочная (Сочи)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ В 1945–1950 гг.: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, РЕШЕНИЯ

С окончанием Великой Отечественной войны перед советской милицией во всей полноте встали новые важные и сложные задачи. Криминогенная ситуация в СССР этих лет с позиции стороннего наблюдателя хорошо представлена в книге американской журналистки Э. Винтер, которая работала в Советском Союзе в 1944–1945 гг. Винтер отметила систематическое замалчивание в периодической печати фактов о совершающихся преступлениях, даже весьма громких [1].

В редакцию газеты «Правда» поступали письма от жителей страны о бандитизме, воровстве, хулиганстве в Москве, Новосибирске, Саратове, Пензе и других городах страны. Но опубликованы в газете они никогда так и не были. Более того, до начала 1990-х гг. они лежали в архиве под грифом «секретно». В 1990-е гг. допуск специалистов к ним был разрешен. Вот некоторые из них. Письмо от жителей города Архангельска: *«Безнаказанно орудуют шайки бандитов, терроризируют население города. С наступлением темноты жители боятся выходить на улицу. В кинотеатрах во время сеансов срывают головные уборы, ножами и бритвами портят верхнее платье. С наступлением темноты, часов в 7–8 вечера, жители запираются у себя в квартирах и никого не пускают»* [2].

Не менее разительные факты о разгулах бандитизма в Днепропетровске приводит в своем письме Кушнарера: *«Кончи-*

лась война. Труженики тыла и вернувшиеся с фронта лучшие люди города жаждут спокойного, культурного отдыха и плодотворной работы. Но они лишены этого. Невольно население города превращено в затворников, самозаключенных, так как в городе с 18 часов жизнь замирает. Царит бандитизм. Работающие на заводах и в учреждениях боятся лишнюю минуту задержаться на производстве, бросают работу, стремясь молниеносно пролететь до своего дома. Детей, учащихся в вечерних сменах, родители не пускают на занятия. Студенты, живущие далеко, не посещают вечерние лекции» [3].

Рабочие подольского завода (г. Подольск Московской области): «Хулиганствующие бандиты, воры останавливают мирных труженников Подольска не только по вечерам, но избивают, раздевают, грабят среди бела дня, и не только в глухих улицах и переулках, но и на центральных улицах, в районах заводов, железнодорожной станции и даже около зданий горкома и горсовета. После работы рабочие собираются по несколько человек, чтобы безопасней было идти домой» [4].

Директор московского магазина № 3 «Особторга», расположенного на Охотном ряду, писал: «В магазине на протяжении нескольких месяцев обитает шайка в 10-15 человек паразитического элемента и других темных лиц. Эта шайка буквально терроризирует наших покупателей и служащих магазина. Угроза убить, откусить нос, ткнуть финкой по адресу дежурных администраторов магазина. Дошло до того, что работники подают заявления об увольнении с работы во избежание быть изувеченными или убитыми» [5].

Ткаченко Б.Ф. от имени жителей Пензы писал в «Правду» о действиях банды «Черная кошка», которая орудовала в Пензенской области: «Бандиты вооружены холодным и огнестрельным оружием. Милиция бездействует. На днях произошел поразительный случай. На главной улице города Пензы в ста метрах от управления милиции был ограблен городской универмаг» [6]. Аналогичные сигналы поступали из Никополя, Челябинска, Шуи: «Мерзкие дела творят бандиты в поездах дальнего и пригородного сообщения. Воры снабжены, кроме оружия, бритвами и

ножами, которыми вспарывают вещи пассажиров, а в иных случаях их бритвы гуляют по физиономиям пассажиров» [7].

В докладной записке уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Владимирской области А. М. Школьникову на имя Г. М. Маленкова «О неудовлетворительной работе органов милиции, суда и прокуратуры Владимирской области в борьбе с хулиганством, кражами, грабежами и другими преступлениями» было изложено в 1946 г.: *«За последние месяцы по Владимирской области наблюдается значительный рост преступности. Так, в первом квартале 1945 г. было совершено 1963 преступления, во втором – 2129, в третьем – 2460, а в октябре месяце совершено 902 преступления, что составляет 138 % к среднемесячному количеству преступлений первого квартала сего года. С мелким хулиганством в области органы милиции систематической борьбы вообще не ведут. По данным военного коменданта, за нарушение воинской дисциплины и общественного порядка только в городе Владимире задержано офицеров, сержантов и рядовых в июле месяце – 1153 человека, в августе – 1049, в сентябре – 1538, в октябре – 3336» [8].*

Не изменилось положение дел в стране с преступностью и в 1947 г. Докладная записка заведующего отделом Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) И.И. Поздняка секретарю ЦК ВКП(б) Н. С. Патоличеву «О фактах увеличения преступности и хулиганства» свидетельствует: *«Ленинградский, Куйбышевский, Свердловский, Молотовский, Орловский, Мордовский, Кулужский, Киевский, Омский, Кемеровский, Кировский, Крымский, Витебский, Саморкандский, Кашка-Дарьинский обкомы, Сталинский, Одесский, Ворошиловградский, Чкаловский, Губахинский, Каменьск-Уральский и Кировабадский горкомы партии отмечают, что за последние месяцы увеличилось число проявлений бандитизма, квартирных краж, уличных грабежей и хулиганства. Преступность возросла не только в городах и в рабочих поселках, но и в сельской местности. В большинстве случаев преступления совершают уголовные элементы, в прошлом судившиеся, и молодежь. В числе последних многие работают на предприятиях или являются учащими-*

ся. Нередко общественный порядок нарушают военнослужащие» [9].

Повсеместно увеличивалось количество квартирных краж и уличных грабежей. По данным прокуратуры Союза ССР за 11 месяцев 1946 г. было привлечено к судебной ответственности более 162,6 тыс. человек за квартирные кражи и свыше 34,6 тыс. человек за разбой и уличные грабежи.

Кроме того, за это же время предано суду 13800 человек за бандитизм, 9650 человек за убийство и более 66500 – за хулиганство [10].

Рост преступности отмечался и в городе Москве. «В третьем квартале 1946 г. вооруженных ограблений совершено в 4 раза больше, чем во втором квартале. В четвертом квартале прошлого года предано суду за квартирные кражи 2865 человек, грабежи – 419, бандитизм и убийства – 210 и хулиганство – 664 человека» [11].

В первые послевоенные годы работу милиции по-прежнему направляли областные и городские комитеты ВКП(б). 20 августа 1945 г. на заседании Московского городского комитета рассматривался вопрос об усилении борьбы с хулиганством и уголовной преступностью в Москве. На этом заседании была избрана комиссия по составлению плана мероприятий борьбы с преступностью [12]. В принятом постановлении отмечалось, что органы милиции ослабили борьбу с уголовной преступностью и нарушениями общественного порядка, а со стороны райкомов партии произошло ослабление контроля за их деятельностью. Исходя из этого, было решено созвать совещание с участием милиционеров-практиков для более детального рассмотрения вопроса. Такое же совещание, но уже на районном уровне, поручалось провести райкомам ВКП(б) и ВЛКСМ.

Перед Управлением милиции города Москвы ставилась задача: увеличить количество подвижных постов и патрулей, укомплектовать их инициативными и смелыми сотрудниками и шире использовать поощрение отличившихся [13]. Речь, таким образом, шла о прямом вмешательстве партийных органов не только в вопросы агитационно-политической работы, но и в организацию оперативно-служебной деятельности, то есть, в сфе-

ру непосредственной компетенции Управления милиции города Москвы.

После Великой Отечественной войны в органах МВД ощущался острый недостаток в квалифицированных кадрах. Это обстоятельство придавало культурно-политической работе с кадрами милиции своеобразный, присущий только тому времени, стиль. Эта работа базировалась на «Положении о рабоче-крестьянской милиции», утвержденном СНК СССР 25 мая 1931 г. [14] и действовавшем вплоть до 1962 г.; «Положении о политическом отделе Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР», утвержденном постановлением ЦК ВКП(б) 15 сентября 1939 г. [15], постановлении ЦК ВКП(б) от 23 октября 1944 г, которым были скорректированы структура и статус политорганов милиции [16], на текущих указаниях ЦК партии.

Политотдел Главного управления милиции (ГУМ) НУВД СССР и подчиненная ему система политорганов и парторганизаций были призваны мобилизовать личный состав на успешное выполнение оперативно-служебных задач, развивать социалистическое соревнование, бороться за укрепление социалистической законности. В условиях сталинского режима последнее требование носило декларативный характер, что, в свою очередь, вело к дезорганизации сотрудников НКВД/МВД и искажению их представления о понятии законности вообще.

В апреле 1946 г. МВД СССР издало инструкцию об организации при всех низовых подразделениях МВД «бригадмилов» - бригад содействия милиции. Их создание, очевидно, представлялось как реализация известного ленинского указания о том, что успех в борьбе с преступностью зависит, в первую очередь, от добровольного участия в этой борьбе трудящихся масс [17]. Эта идея была развита И.В. Сталиным, который требовал «поднять такую кампанию и создать такую моральную атмосферу среди рабочих и крестьян, которая исключала бы возможность воровства» [18]. С точки зрения практической криминологии, эти указания не выдерживали критики, однако, создание «бригадмилов» сыграло известную роль в развитии политической

культуры милицейских кадров, поскольку усилило их роль как субъекта воспитательного воздействия.

2 февраля 1946 г. ЦК ВКП(б) выступил с обращением к советскому народу в связи с выборами в Верховный Совет СССР, в котором отмечалось, что в борьбе над фашистской Германией «сказался горячий и животворный советский патриотизм народов Советского Союза, сила и жизненность политики, которую неуклонно проводила партия большевиков. Советский патриотизм сплотил все нации и народности нашей страны в единую братскую семью» [19].

Таким образом, в стране была начата новая кампания по патриотическому воспитанию граждан. 22 апреля 1946 г. Московский горком ВКП(б) указал издательству «Московский рабочий» на необходимость ускорить выпуск литературы, посвященной проблемам пропаганды советского патриотизма, что должно было дать штатным пропагандистам материал для воспитательной беседы.

1947 г. стал поворотным в реализации той концепции борьбы с преступностью, которая была взята на вооружение еще в 1920–1930-е гг. Ее основой послужило высказывание В.И. Ленина о том, «что преступность в советской республике является пережитком капиталистического общества» [20]. И.В. Сталин в ряде работ выводил уголовную преступность в СССР из деятельности агентуры разведок западных государств. Согласно его логике, борьба с преступностью, в конечном счете, ставила милицию в подчиненное положение органам госбезопасности. Эти идеи нашли воплощение в ряде законодательных актов. Одним из них является Указ президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» [21]. Этим указом органы госбезопасности получили ряд дополнительных полномочий. Одновременно в стране заметно усилился общий режим секретности, в рамках которого милиция и органы госбезопасности, в частности, получили указание установить всеобъемлющий контроль за деятельностью иностранных журналистов. Все это говорило о том, что закрытость советского государства для мирового сообщества продол-

жала оставаться важным элементом советской политической культуры, а органы МВД и их личный состав – гарантом и проводником политики «железного занавеса». Таким образом, среди сотрудников органов внутренних дел по-прежнему культивировалась психология «защитников осажденной крепости». И это не могло не оказывать мощного воздействия на их мировоззрение и политические пристрастия в целом.

Важным направлением в формировании политической культуры милицейских работников явилось повышение их общеобразовательной подготовки. В середине 1940-х гг. милицейские кадры готовились всего в 24 одногодичных специальных школах и двух школах переподготовки начальствующего состава. 8 февраля 1947 г. МВД СССР издало приказ «О мероприятиях по подготовке и переподготовке руководящих и оперативных кадров милиции», который предусматривал перевод этих учебных заведений на двухгодичный срок обучения. Одновременно с этим были повышены требования к поступающим. Если в первые два послевоенных года в милицейские средние учебные заведения принимались лица, закончившие всего 4–6 классов общеобразовательной школы, то теперь лишь те, кто имел за плечами не менее 7 классов. При этом значительную часть курсантов составляли лица, направленные на службу в МВД органами ВКП(б) и ВЛКСМ. Несмотря на все эти меры, уровень политической культуры сотрудников МВД, по мнению руководства страны, все еще оставался низким.

27 марта 1946 г. вышло постановление ЦК ВКП (б) «Об организационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с принятием «Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1959 гг.» [22]. Этот документ стал отправным в организации всей культурно-политической работы с личным составом милиции. Проводились специальные занятия сотрудников милиции по изучению Закона о Пятилетнем плане, более серьезные требования стали предъявляться к организации политического образования офицеров МВД. Повышенные требования к политической культуре и профессиональному уровню милицейских кадров были обусловлены ростом количества особо опасных преступлений,

который явился прямым следствием первой послевоенной амнистии.

Согласно постановлению Московского горкома от 12 июня 1946 г. о мерах по усилению паспортного режима в г. Москве, органы милиции должны были усилить работу по выявлению преступных элементов и выдворению их из столицы [23]. Задачи милиции по реализации этого постановления были рассмотрены на собрании партактива коммунистов московской милиции. Однако, низкий уровень квалификации работников паспортной службы препятствовал успешной реализации разработанных мер [24].

Как известно, город-курорт Сочи был режимным городом, поскольку сюда на отдых каждое лето приезжали партийные и государственные деятели. В нашем городе были дачи первых лиц государства и лично И.В. Сталина.

Еще в 1934 г. на заседании Бюро Сочинского Райкома ВКП(б) принимается решение о введении в городе режимной паспортизации. И с 15 марта по 1 апреля в городе вводится режимная паспортизация. Ее цель – «выявление классово-чуждых, уголовно-преступных элементов, не имеющих права на получение паспорта и регистрации в Сочи» (выписка из решения Бюро сочинского райкома ВКП(б) [25].

Для проведения режимной паспортизации (для получения нового паспорта) в городе было создано 13 паспортных пунктов в дополнение к уже имеющимся стационарным адресным столам и мобилизовано 29 коммунистов, 13 комсомольцев и 65 профсоюзных работников. На всех предприятиях города создавались Комитеты содействия милиции. Дома отдыха и санатории должны были предоставить в распоряжение сотрудников милиции машины и водителей, а водителей на все время работы обеспечивать горячим питанием [26].

Городские суд и прокуратура обязаны были передать в районное управление милиции материалы на тех жителей города, кто был судим, лишен избирательных прав и на торговцев. Эти люди автоматически лишались права на получение паспорта с регистрацией в городе Сочи [27].

Жесткие и короткие сроки получения нового паспорта не давали возможности проявления различного рода махинациям.

С 1 апреля 1934 г. руководители предприятий города Сочи обязаны были принимать на работу только тех, кто получил новый паспорт. Неполучение нового паспорта влекло за собой увольнение с работы и выселение из города. На районное управление милиции были возложены все расходы по содержанию арестованных (подвергшихся выселению из города) и их конвоированию [28].

Эти меры привели к тому, что уменьшилось количество работающего населения в городе Сочи. Стал ощущаться острый недостаток в специалистах. Поэтому был осуществлен организованный набор рабочих, прибывших в Сочи на временные работы, и введена специальная должность Уполномоченного по организованному набору при Исполнительном Комитете.

В марте 1947 г. Управление кадров ЦК ВКП(б) подготовило проект постановления ЦК «О недостатках в работе политорганов милиции». В сопроводительном письме министру внутренних дел заместитель заведующего отделом управления М.Попов отмечал, что политаппарат и парторганизации милиции не справились с задачей воспитания нового, послевоенного пополнения, повышения его общеобразовательного, культурного уровня и профессиональной квалификации. В письме отмечалось, что местные партийные учреждения слабо контролировали работу «органов» и отстранились от руководства первичными парторганизациями МВД. В итоге проект постановления предлагал признать постановку культурно-политической работы в милиции неудовлетворительной [29].

9 августа 1947 г. Совет Министров СССР принял постановление об укреплении общественного порядка и улучшении работы органов милиции в 12 городах «особого списка». В этот список попали ряд республиканских столиц, портовые города и курорты. Постановление предусматривало значительное улучшение материально-бытового снабжения сотрудников милиции этих городов при одновременном предъявлении к ним повышенных требований в борьбе с преступностью, контроля за соблюдением паспортного режима и организации наружной служ-

бы [30]. Во исполнение этого постановления был издан специальный приказ МВД от 17 сентября 1947 г., которым в милицйских подразделениях этих же городов была увеличена численность оперативных работников милиции и постовых за счет сокращения управленческого аппарата. На сотрудников были распространены все права, установленные для личного состава сверхсрочной службы войск МВД, а также уставы Вооруженных Сил СССР – внутренней службы, дисциплинарный и строевой. Таким образом, за этой частью сотрудников МВД закреплялся привилегированный, по сравнению с другими, статус [31].

В данном приказе, в числе прочих требований, имелось и такое, которое допускало возможным принятие в московскую милицию, как и в милицию городов «особого списка», на должности сержантского и рядового состава лиц с образованием не ниже 7 классов, в возрасте не старше 40 лет и имеющих рост не ниже 170 см [32]

С 1948 г. Сочи становится самостоятельным административным центром в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 24 августа 1948 г. «О выделении города Сочи из Краснодарского края в самостоятельный административный центр республиканского подчинения». В городе было создано городское Управление Внутренних Дел, которое подчинялось непосредственно Министерству Внутренних Дел СССР. Был дополнительно создан 4-й городской отдел милиции, обслуживающий центр города, создано следственное отделение.

В 1949 г. приказом МВД СССР город Сочи был отнесен к городам особого списка. К личному составу милиции стали предъявлять повышенные требования, была введена новая форма для офицерского и рядового состава милиции. Все сотрудники милиции, включая и командный состав, обязаны были патрулировать улицы города в вечернее и ночное время. Во время пребывания на отдыхе в городе-курорте членов правительства и И.В. Сталина, в Сочи была направлена московская милиция.

Линия на дальнейшее укрепление «железного занавеса» потребовала совершенствования политического аппарата МВД. В соответствии с планом «Мероприятий по улучшению работы с кадрами органов милиции», утвержденном приказом МВД СССР

от 12 апреля 1949 г., в городских и районных отделах милиции со штатной численностью свыше 40 человек была введена должность заместителя по политчасти. Причем, сокращение рядового и сержантского состава запрещалось [33]. Перед политотделами была поставлена задача «решительно улучшить идейно-воспитательную работу с личным составом» и «воспитывать кадры в духе советского патриотизма, преданности делу партии Ленина-Сталина, честного выполнения всего служебного долга и социалистического отношения к труду» [34]. Примечательно, что советский патриотизм занимает в этом перечне первое место.

Сталинская идея о прямой и непосредственной связи преступности в СССР с деятельностью зарубежных спецслужб предопределила изъятие органов милиции из МВД и передачу их в МГБ СССР, что было зафиксировано постановлением Совета Министров СССР от 13 октября 1949 г. В результате этого милиция стала чаще привлекаться к выполнению несвойственных ей функций. Это не могло не сказаться негативно на уровне культурно-политического развития ее сотрудников. Уже в сентябре 1951 г. начальник Политотдела ГУМ И.А. Кожин писал, что создание единого парткома МГБ СССР привело к затруднениям в повседневной работе политорганов милиции. Сотрудники государственной безопасности, по его свидетельству, подчас засекречивали или закрывали доступ к протоколам собраний объединенных парторганизаций, создавали препятствия к проведению семинаров пропагандистов и агитаторов. Попытки политотдела обжаловать такую практику в административных органах ЦК ВКП(б) успеха не имели [35].

Внешним проявлением произошедших организационных изменений явилась конспирация деятельности органов милиции. Проблемы ведомства стали все реже публиковаться в открытой печати, в том числе и в юридической литературе. Вскоре стали очевидны и другие негативные последствия. Как позднее признавал заместитель министра внутренних дел И.А. Серов, «в госбезопасности было немало карьеристов, а также профессионально непригодных сотрудников, в подчинение к которым в оперативном отношении попали органы милиции» [36].

В результате стал снижаться уровень профессионализма сотрудников милиции.

«Высокомерие и пренебрежение многих руководителей органов МГБ и милиции, стремление направить на руководящие посты в ней проштрафившихся и оторвавшихся от народа своих сотрудников, – свидетельствовал И.А. Кожин, – серьезно ослабляли качественный состав кадров и тормозили дело укрепления связи милиции с народом. Для меня, как начальника политотдела, это был очень трудный период, ибо мне в первую очередь приходилось выступать против порочной практики руководителей МГБ и постоянно входить с ними в конфликт» [37].

Таким образом, чрезмерная централизация правоохранительной системы имела следствием не укрепление политической культуры сотрудников милиции, а, напротив, создавала препятствия для ее развития.

Между тем сложности во взаимоотношениях милиции и органов госбезопасности продолжали нарастать. Постановлением Совета Министров СССР от 22 августа 1950 г. штаты милиции были существенно пополнены. В связи с этим МГБ было поручено передать на укрепление органов милиции опытных чекистов. Однако на практике оказалось, что в милицейские подразделения были направлены далеко не лучшие сотрудники госбезопасности, а те, кто был признан «профнепригодным» в своем ведомстве. Таким образом, никакого укрепления органов милиции в профессиональном и культурно-политическом плане не произошло, несмотря на то, что в рамках выполнения постановления Совета Министров от 22 августа Политотдел ГУМ указал политорганам на необходимость усиления культурно-политической работы, а штаты милицейских политработников были заметно увеличены.

В постановлении Совета Министров от 22 августа признавалось, что количество школ для подготовки и переподготовки личного состава милиции не удовлетворяло реальной потребности в квалифицированных кадрах. Поэтому министерство обязывалось построить в 1950–1951 гг. четыре новые школы на 400–750 слушателей каждая. Однако это решение выполнено не было. В конце 1951 г. специальную профессиональную подго-

товку имело всего 31,6% сотрудников милиции, т.е. существенно меньше по сравнению с довоенным периодом [38].

23 октября 1950 г. Секретариат ЦК ВКП(б) принял постановление «Об отборе 5 тыс. членов ВКП(б) и 10 тыс. комсомольцев для работы в органах милиции МГБ СССР» [39]. Реализация этого решения позволила к концу первого полугодия 1951 г. сократить некомплект личного состава милиции на 1,3 % [40]. При всех положительных последствиях этой меры нельзя в то же время не признать, что подобные действия в решении кадровой политики свидетельствовали о трудностях в осуществлении научно-обоснованной организации культурно-политической работы с личным составом милиции и показали неспособность правительства отказаться от методов, характерных для периода войны.

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство коммунистов, мобилизованных на милицейскую службу, использовалось на партийной и культурно-политической работе. Причем, более 700 из них возглавили первичные организации ВКП(б) или политорганы [41].

В такой обстановке все более очевидно становилась необходимость коренной реорганизации политорганов милиции. Между тем взаимоотношения ГУМ с профильным отделом ЦК партии и с руководством собственного министерства оставались далеко не простыми. В сентябре 1951 г. И.А. Кожин утверждал, что основная трудность в работе подведомственного ему учреждения заключалась в слабом руководстве со стороны ЦК и министерства. Несмотря на неоднократные просьбы, Политотдел ГУМ не получал решений высшей партийной инстанции даже по вопросам, прямо относящимся к его компетенции. А его работники систематически не приглашались на совещания, созываемые ЦК, по проблемам совершенствования партийной работы [42]. Вероятно, ЦК все еще рассматривал политорганы милиции главным образом как аппарат, контролирующей деятельность начальствующего состава и не предназначенный для решения самостоятельных культурно-политических и воспитательных задач.

Малая эффективность постановления Совета министров СССР от 22 августа 1950 г. в части, касающейся подготовки милицейских кадров, требовала новых управленческих решений. 15 июля 1952 г. Совет Министров принял очередное постановление, которым Высшая школа милиции преобразовывалась в высшее юридическое учебное заведение с трехгодичным сроком обучения для подготовки руководящего состава. Первый набор планировалось провести в 1952 г. Этим постановлением шесть других школ милиции были реорганизованы в специальные средние учебные заведения юридического профиля. Данная мера была весьма своевременной, так как потребность в улучшении подготовки специалистов в ведомственных учебных заведениях была чрезвычайно велика. Достаточно сказать, что в 1952 г. среди нового пополнения органов МВД выпускники школ милиции составили всего 0,5 %, а большая часть начальствующего состава вообще не имела специальной подготовки.

Созданием новых и реформированием имевшихся школ милиции был сделан важный шаг в развитии правопорядка в стране. Для реализации постановления Совета Министров был издан приказ МВД от 26 июля 1952 г. о подготовке и переподготовке кадров органов милиции, который действовал до 1955 г. включительно.

На следующий день после смерти И.В. Сталина, 6 марта 1953 г., на совместном заседании пленума ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР в рамках общего постановления о совершенствовании партийного и государственного руководства было объявлено об объединении МВД и МГБ в единый орган – Министерство Внутренних Дел. Это решение было закреплено Законом о преобразовании министерств СССР, принятым Верховным Советом СССР 15 марта 1953 г. Что касается общего руководства развитием политической культуры сотрудников милиции, то июльский (1953 г.) пленум ЦК КПСС, знаменовавший поражение верхушки правоохранительной системы в борьбе за власть, сделал ставку не на полиотрганы милиции, а на партийные организации, как главный рычаг в решении всех милицейских проблем. «Необходимо взять под систематический и неослабный контроль деятельность

органов Министерства Внутренних дел, – говорилось в решениях пленума, – это не только право, но и прямая обязанность партийных организаций» [43].

Примечания

1. Winter E. I saw the Russian people. Boston, 1945. P.33–34.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.122. Д.118. Л.87.
3. РГАСПИ. Ф.17. Оп.122. Д.118. Л.93.
4. РГАСПИ. Ф.17. Оп.122. Д.118. Л.97.
5. РГАСПИ. Ф.17. Оп.122. Д.118. Л.90.
6. РГАСПИ. Ф.17. Оп.122. Д.118. Л.108.
7. РГАСПИ. Ф.17. Оп.122. Д.118. Л.95.
8. РГАСПИ. Ф.17. Оп.122. Д.102. Л.215.
9. РГАСПИ. Ф.17. Оп.122. Д.289. Л.4.
10. РГАСПИ. Ф.17. Оп.122. Д.289. Л.2-12.
11. РГАСПИ. Ф.17. Оп.122. Д.289. Л.25.
12. РГАСПИ. Ф.17. Оп.45. Д.1298. Л.88.
13. РГАСПИ. Ф.17. Оп.45. Д.1300. Л.140–141.
14. Свод законов СССР. 1931. № 33. С. 247.
15. Мулукаев Р.С., Скилягин А.Т. История советской милиции (Хронологический справочник). – Л., 1976. С. 130.
16. Там же. С. 140.
17. Ленин В.И. Как организовать соревнование. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 163.
18. Сталин И.В. О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии. Доклад активу Ленинградской организации о работе Пленума ЦК ВКП(б) 13 апреля 1936 г. Соч. Т.8. С.136–137.
19. Ко всем избирателям... Обращение ЦК ВКП (б). 2 февраля 1946 г. // КПСС в резолюциях. Изд. 9-е. М., 1985. Т. 8. С. 10.
20. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.22. С. 163.
21. Правда. 1947. 10 июня.
22. КПСС в резолюциях... Т. 8. С 17-20.
23. На боевом посту (Москва). 1946. 20 апреля. 18 мая. 10 июля.
24. Правда. 1952. 28 августа.
25. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-137. Оп.1. Д. 150. Л. 19.
26. АОАГС. Ф. Р-137. Оп.1. Д. 150. Л.20.
27. АОАГС. Ф. Р-137. Оп.1. Д. 160. Л.47.
28. АОАГС. Ф. Р-137. Оп.1. Д. 150. Л.21.
29. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6345. Оп. 3. Д. 566. Л. 78.

30. РГАСПИ. Ф.17.Оп.119. Д. 65. Л. 46.
31. РГАСПИ. Ф.17.Оп.119. Д. 123. Л. 45.
32. ГАРФ. Ф. 7056. Оп. 2. Д. 231. Л. 12.
33. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 65. Л. 48.
34. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 65. Л. 54.
35. ГАРФ. Ф. 5467. Оп. 2. Д. 165. Л. 17.
36. Правда. 1957. 21 декабря.
37. ГАРФ. Ф. 5467. Оп. 13. Д. 1276. Л. 87.
38. Мулукаев Р.С., Скилягин А.Т. Указ. соч. С.236.
39. РГАСПИ. Ф.17. Оп.119. Д.940. Л.77–79.
40. РГАСПИ. Ф.17. Оп.119. Д.940. Л.134.
41. ГАРФ. Ф. 5467. Оп. 13. Д. 1278. Л. 87.
42. ГАРФ. Ф. 5467. Оп. 13. Д. 1290. Л. 13–14.
43. Правда. 1953. 10 июля.

И.А. Ермачков (Сочи)

СОЧИ В ГОДЫ «ПЕРЕСТРОЙКИ» (1985–1991 гг.): ВОПРОСЫ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Вопросы медицинского обслуживания на территории г. Сочи имеют большое значение, поскольку Сочи – город-курорт, который посещают миллионы туристов. В годы «перестройки» (1985–1991 гг.) количество отдыхающих значительно возросло, увеличилось и постоянное население города, которое составило 366,5 тыс. чел. В условиях увеличения населения города возросла нагрузка на медицинскую сеть города, которая должна была соответствовать уровню «всесоюзной здравницы». Что же представляла собой медицина г. Сочи в период перестройки? Какие проблемы стояли перед руководителями медицинских учреждений и как они решались?

Ряд медицинских учреждений не соответствовал предъявленным требованиям, не имели должного набора помещений и возможности размещения в них необходимого оборудования, вести обследование и лечение больных.